

и т. д. Нам представляется, что исследователям, преуменьшающим значение социально-общественных сдвигов, происшедших в IV—VI вв., и относящим эпоху «решающей ломки» старой общественной системы в Византии лишь к VII—VIII столетиям, придется все-таки считаться с приведенными заключениями Е. Э. Липшиц, внося определенные коррективы в свои воззрения.

Наши сомнения в справедливости отдельных положений книги Е. Э. Липшиц связаны с трактовкой ею социальной роли государства в процессах перестройки, отраженных в новых нормах законодательства. Нам представляется, что автор избегала определенного и четкого изложения своих взглядов на этот счет. С одной стороны, она неоднократно отмечает, что государство, преодолевая порой сопротивление землевладельцев и рабовладельцев, содействовало сокращению рабства и развитию колоната; как надстройка нового, активно формирующегося феодального базиса оно упрочивало его устои, не будучи «по тем или иным причинам» заинтересовано в сохранении и расширении рабства. С другой стороны, это же государство в эпоху его усиления при Юстиниане I ступило на путь реставрации классического права, издало «Прагматическую санкцию», возвращая рабов их господам, низвело в сущности до рабского положения колонов и на землях фиска и в частных имениях.

Нам не представляется правдоподобной идея, согласно которой именно государство в эту пору (хотя и непосредственно, как отмечает Е. Э. Липшиц) выступало в качестве носителя и двигателя прогресса.

Обладая известной независимостью от различных прослоек господствующего класса и укрепляя в целом в его интересах аппарат насилия, государство отняло у собственников право на богатства недр, обязало собственность и владение налогами; стимулировало через расширение прав арендаторов на арендуемую землю увеличение возделываемых территорий; объявляло (на основе давности фактического владения) еобсвенниками недвижимостей даже тех, кто не притязал на эти недвижимости и не желал обладать ими; объявляло законным обладателем чужой земли того, кто возделал на ней топи и выгоны, и т. д.

Мы усматриваем во всех этих актах, как и в официальном признании нового\* смыслового содержания понятий «собственность» и «владение», не меры активного действия развитию нового способа производства, а стремление приспособить к новым, стихийно слагавшимся условиям систему налогового гнета и всеобъемлющего государственного контроля. Особенно ярко чисто фискальные цели проступают в новелле Юстиниана I от 532 г.: самаритяне как иноверцы были лишены права наследования, но для самаритян-колонов закон делал исключение, причем, как прямо и заявлено в новелле, сделано это было не ради них самих, а «ради земли», ими обрабатываемой, и ради поступления с нее в казну налогов и доходов (с. 145—146).

В эпоху действия института эпіболы земельные собственники страшились нередко не только восстановления своих законных прав на давно покинутую собственность, но и получения от государства чужих заброшенных недвижимостей. Причины этой боязни крылись в тяжести налогового бремени. «Черта — характерная для того времени», — замечает в связи с этим автор (с. 66).

Нельзя сказать, что Е. Э. Липшиц никак не оценивает мотивы действий византийского правительства, однако в целом эта проблема осталась в ее книге не разработанной до конца.

Некоторую неудовлетворенность вызывает также вскользь оброненное автором замечание о всеобщей государственной собственности на землю. К сожалению, сказано об этом важном вопросе слишком глухо, чтобы составить представление о взглядах автора на этот счет (см. с. 70).

Позволив себе эти замечания в столь специальной области, в которой такой известный советский ученый, как Е. Э. Липшиц, давно и успешно работает, мы отнюдь не хотели умалить научного значения ее нового крупного исследования. Монография Е. Э. Липшиц о праве и суде в Византии IV—VIII вв. является, несомненно, существенным вкладом в советское византиноведение, обогатившим наши представления об одном из самых сложных периодов византийской истории вообще и об истории византийского права в частности.

Г. Г. Литавин

Г. Л. Курбатов. История Византии (Историография). Л., 1975, 256 с.

Книга профессора Ленинградского университета Г. Л. Курбатова — первый в советской и зарубежной историографии труд, рассматривающий пути развития научного византиноведения от его истоков в XV в. до наших дней. Это первое учебное пособие по византиноведению для студентов университетов, созданное на основе лекционных курсов автора. Облегченная в сжатую форму, книга четко ориентирует читателя в поистине безбрежном море византистики: достаточно напомнить, что одни библиографические указатели в журналах «Byzantinische Zeitschrift» и «Byzantinoslavica» занимают ежегодно не менее 150—200 страниц убористого текста, это сотни имен и тысячи названий. Скажем заранее, что Г. Л. Курбатов в основном сумел отобрать главное, конструктивное, определяющее в науке. Он сумел показать живую нить преемственности и, вместе с тем, все то новое, что вносили поколения историков и филологов,

археологов и искусствоведов в общую копилку византиноведческой науки. История последней изучена автором в динамике, с учетом достижений отечественной медиевистики, уже накопившей немалый опыт создания подобных историографических обобщений<sup>1</sup>. Классификация материала, выделение этапов в развитии науки и научных направлений не представляли для автора особых трудностей<sup>2</sup>. В этом отношении Г. Л. Курбатов следовал принятому в трудах советских ученых делению. Однако исследователь все же имел альтернативу в построении своего курса: он мог строить свое изложение по большему эпохам и главным проблемам, объединяя исследователей разных стран, разрабатывавших данную тему, либо делить материал по более дробным промежуткам времени и территориальному признаку, стремясь к максимально широкому географическому охвату. Оба метода имеют свои преимущества и недостатки. В первом случае автору приходится жертвовать «малыми» темами и даже отказаться, в крайнем случае, от рассмотрения историографии целых стран (так поступила, в частности, Е. В. Гутнова). Выбирая второй вариант, автор вынужден «дробить» научные направления, «рассекать» школы, существовавшие длительное время в ряде стран, подчас возвращаться к творчеству одного и того же исследователя. Выбрав второй путь, Г. Л. Курбатов понимал неминуемость отдельных издержек (с. 10, прим. 14). Давая обзор, притом учебного, а не сугубо академического характера, составитель вполне справедливо считал необходимым полнее ориентировать своего читателя в развитии науки в целом, иногда даже поступаясь глубиной анализа конкретных проблем. Фактически работа приобретала второе назначение — справочного пособия по византиноведению. Конечно, решая эти задачи, автор не избежал некоторых упущений в отборе материала (см. ниже), но правомерность избранного метода изложения не вызывает сомнений.

Заслугой Г. Л. Курбатова является анализ развития византиноведения в связи с общим развитием историографии и исторической мысли. Автор стремился не отрывать византиноведение от смежных дисциплин — медиевистики, славяноведения, ориенталистики, антиковедения. Органическая связь наук присутствует в книге, помогая уяснить глубокие закономерности процессов исторического познания. Определенное внимание уделено в книге расширению источниковедческой базы, совершенствованию методики исследований. Вполне правомерны указания на роль научных учреждений в становлении византиноведения, на современное состояние работы византиноведческих центров в разных странах. Изучение организации научных исследований — важная проблема историографии, рассмотрение которой, к сожалению, часто отсутствует в историографических трудах.

Книга Г. Л. Курбатова состоит из Введения, где сформулированы задачи и принципы исследования, и двух разделов: в первом изложено изучение истории Византии в XV—начале XX в., во втором — после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1970 гг.). Весьма полезен приложенный к книге список международных конгрессов по византиноведению с указанием публикаций их материалов, составленный С. Б. Авруниной.

Отказываясь от анализа собственно средневековой, феодально-церковной историографии Византии, автор начинает первую главу с гуманистической историографии XV—XVI вв., с появления зачатков современных исторических знаний. Мир византийской литературы и культуры постепенно открывался итальянским гуманистам через овладение античным наследием и углубленное изучение последнего. Однако зарождение подлинного интереса историографии Западной Европы к истории Византии

<sup>1</sup> См. *Косминский Е. А.* Историография средних веков. V — середина XIX в. Лекции. М., 1963; *Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков. М.—Л., 1940; *он же.* Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964; *он же.* История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974; *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. 1—4. М., 1955—1966; *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969; *Барз М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973; *Заборов М. А.* Историография крестовых походов (XV—XIX вв.). М., 1971.

<sup>2</sup> Отметим, что автору рецензируемой книги принадлежит ряд интересных исследований по истории петербургской — ленинградской школы византиноведения; см.: *Курбатов Г. Л.* В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сборник статей к 150-летию Ленинградского университета. Л., 1969, с. 133—152; *он же.* Из истории научных связей русской византистики (В. Г. Васильевский в Германии). — ВВ, 31, 1971, с. 79—83; *он же.* Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г. С. Дестунис). — ПС, 23 (86), 1971, с. 179—191; *он же.* М. В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. 1. Л., 1962, с. 72—80; *Исакова Л. В., Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* 100 лет византиноведения в ЛГУ. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. 3. Л., 1976, с. 26—54; *Курбатов Г. Л., Лундин А. Г., Пайкова А. В., Старкова К. Б.* Нина Викторовна Пигулевская. — В кн.: *Пигулевская Н. В.* Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976, с. 10—50.

приходится на три первые десятилетия XVI в. (с. 19), когда складывается представление о византийской истории как истории особого государства (с. 21), наиболее остро встают задачи борьбы с турецкой опасностью (с. 22). Нам представляется, что размежевание собственно гуманистической историографии и историографии Реформации и Контрреформации следовало бы обозначить четче: разница проявилась и в подходе к истории, и в выборе сюжетов для изучения. Если гуманистическая историография направляла свои усилия на изучение культуры, языка, политической истории, то в XVI в. уже явно ощущается тяготение к сюжетам, связанным с церковной и государственной историей Византии, зарождается серьезный интерес к памятникам византийского права (с. 21—23), начинается широкое издание византийских источников. Фактически эрудитская школа конца XVI—начала XVIII в., которую автор рассматривает во второй главе, восходит корнями к Иерониму Вольфу и Баронию. Автор высоко оценивает вклад в византиноведение эрудитов, — отмечая, что в эрудитский период в научный оборот было введено подавляющее большинство ныне используемых письменных источников по истории Византии, были изданы и датированы византийские тексты, началось использование многих других видов источников, привлекался археологический материал, развивались вспомогательные исторические дисциплины. Под влиянием рационализма части представителей эрудитского направления усилились элементы исторической критики источников. «Следовательно, эрудиты создали прочную базу для последующего изучения «тысячелетней истории всей цивилизации» Византии, а не только ее политической или религиозной истории» (с. 33). Третья глава книги посвящена историографии эпохи Просвещения. Здесь впервые появляется раздел о русской историографии Византии. Автор совершенно справедливо отмечает, что историки Просвещения в большей степени разрабатывали новые идеи, чем внесли непосредственный вклад в исследование основных вопросов всемирной, в том числе византийской, истории (с. 35). Однако на этих основаниях вряд ли можно говорить об «антиисторизме» историографии эпохи Просвещения (с. 35, 53). Не случайно, что на базе новых концепций Э. Гиббон создал первый многотомный систематический труд, посвященный в основном истории Византии и оказавший «огромное влияние на историческую науку XIX столетия» (с. 40). Отрицательное отношение к средневековью, представление о прогрессирующем упадке Византии были порождены диалектически закономерными процессами исторического познания.

Историография Византии первой половины—середины XIX в. изложена в четвертой главе. Г. Л. Курбатов правомерно подходит к романтизму как разному по своим направлениям течению. «Историзм» романтической историографии не привел к пересмотру отношения к Византии. «Ее история стала в первой половине XIX в. использоваться как «черный» фон для более резкой идеализации «светлого» западноевропейского средневековья» (с. 58). В этой же главе автор прослеживает зарождение византистики балканских стран, развитие новых научных центров в России. Логическим завершением главы является раздел о возникновении марксистской исторической мысли и значении этого фактора для становления подлинно научного византиноведения.

Пятая—седьмая главы книги посвящены изучению истории Византии со второй половины XIX в. до наших дней. Их несомненным достоинством является умение автора увидеть и показать те черты, которые характерны для историографии каждой страны, выявить сложившиеся историографические традиции в выборе тем и способах их рассмотрения. Так, например, по мнению Г. Л. Курбатова, особенности французского византиноведения второй половины XIX—начала XX в. состояли, с одной стороны, в развитии «эрудитских» тенденций, с другой — в его антиклерикальном характере, тяге к изучению светской истории и культуры (с. 93), в слабом внимании к экономической и социальной истории в духе теории «равноправных» факторов, в преувеличении роли личности, идеализации характера и политики государства (с. 95). Созданная К. Крумбахером школа немецкого византиноведения имела преимущественно филолого-литературоведческо-источниковедческий уклон, была связана с теологией и историей права (с. 99). Английское византиноведение конца XIX—начала XX в. оставалось неразрывно связанным с изучением античности и истории Востока (с. 100); школа, созданная Дж. Бьюри, «продолжила изучение административно-политической организации Византии, политической и религиозной идеологии» (с. 102). «Исследования русских ученых в области социально-экономической, аграрной истории Византии, форм поземельных отношений, крестьянской зависимости, землевладения вошли в золотой фонд мировой византистики» (с. 122). Таких примеров можно привести много, но скажем только, что короткие и точные характеристики особенностей национальных школ строятся с учетом развития и борьбы разных направлений в науке. Правда, не все направления охарактеризованы достаточно полно. В частности, нет указания на то, что в итальянской историографии межвоенного периода с особой силой было выражено «колониалистское» течение, с апологетикой политики итальянских торговых республик в «Романии». Сходные тенденции имелись и в румынской историографии 20—40 годов XX в. (например, Г. Брэтиану и др.).

Монографии Г. Л. Курбатова чудно предвзятое отношение к буржуазной историографии. Автор стремится объективно показать ее сильные и слабые стороны, вскрыть реакционные тенденции, проанализировать расхождения между марксистской и буржуазной наукой. В качестве основного критерия при разборе историографии конца XIX—XX в. автор берет отношение исследователей к проблеме феодализма в Визан-

тип. Это позволяет ему в ряде случаев яснее определить идейные и теоретические позиции ученых. Большое внимание закономерно уделено также не менее сложной проблеме перехода от античности к средневековью.

Книга Г. Л. Курбатова написана по строгому научному плану. Изложение значительного материала, охватывающего весь путь развития науки, легко усваивается благодаря удачному членению глав, выделению главных имен и событий. Естественно, что для этого автору нужно было сделать известную выборку. И в целом эта «выборка», выраженная языком статистики, оказалась репрезентативной. Но в некоторых случаях принципы отбора вызывают сомнения. Например, вряд ли правомерно исключение из главы о советском византиноведении 1945—1970 гг. упоминаний о трудах М. А. Заборова по истории и историографии крестовых походов, Я. Н. Любарского — об «Алексиаде» Анны Комнины и сочинениях Михаила Пселла. Характеристика русского византиноведения XIX в. неполна без рассказа об экспедициях на Восток Антонина Капустина и Порфирия Успенского и формирования рукописных собраний в нашей стране. Ссылаясь на сочинения по истории византийской церкви, опубликованные в конце XIX—начале XX в. (с. 116), автор упоминает обзорную работу П. А. Яковенко (1875—1920), известного специалиста в другой области — византийской дипломатики и истории иммунитета (ср. с. 118—119), и проходит мимо серии исследований профессора Московского университета А. П. Лебедева, составившего семитомную историю греко-восточной церкви с III по XV в. Возвращаясь к принципам отбора, укажем, что целый ряд включенных в книгу имен (их около 450!) мог бы быть безболезненно опущен, особенно в тех случаях, когда речь идет о «пограничных» зонах византиноведения или имя исследователя названо без характеристики его трудов. Изучение византиноведения в контакте с другими науками — большая заслуга автора, но все же ряд названных Г. Л. Курбатовым ученых, внесших свой вклад в развитие славяноведения, балканистики и т. д., не имел прямого отношения к теме книги. Мало что дает читателю, в частности, лишь упоминание имен С. Милу, Пала Юлианса, Й. Хорвата, Таде Смичикласа и др. В отдельных (немногочисленных) случаях Курбатов называет второстепенные труды того или иного автора, пропуская основные. Например, концепция «славянизации» Византии была наиболее подробно развита Я. Фальмерайером прежде всего в монографиях *Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters*, Bd. 1—2. Stuttgart—Tübingen, 1830—1836; *Abhandlung über die Entstehung der Neugriechen*. Stuttgart. 1835, не упомянутых Г. Л. Курбатовым (с. 59). На с. 156 названы очерки У. Миллера «*Essays on the Latin Orient*» (Cambridge, 1921) при отсутствии упоминания об основном труде на эту тему: W. Miller. *The Latins in the Levant* (1204—1566). London, 1908. На с. 239 указаны две статьи и сборник статей Сп. Вриониса и нет сведений о его монографии: Sp. Vryonis. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the XIth through the XVth Century*. Berkeley-Los Angeles, 1971.

Отметим теперь некоторые спорные, на наш взгляд, положения, содержащиеся в книге Г. Л. Курбатова. На с. 122 автор пишет, что «начало научного византиноведения в Болгарии было положено С. Н. Палаузовым», на следующей странице «первым болгарским византинистом» назван Петр Мутафчиев, так как он первым обратился к проблемам внутренней истории Византии. Д. Ангелов, на которого ссылается Г. Л. Курбатов<sup>3</sup>, отмечал лишь, что Палаузов рассматривал проблемы византийской истории в связи с византийско-болгарскими отношениями. Родоначальником болгарского византиноведения — и вполне, на наш взгляд, справедливо — Д. Ангелов считает Марина Дринова<sup>4</sup>. На с. 88—89 Г. Л. Курбатов совершенно справедливо определяет критическое направление в историографии как реакцию на позитивизм. Представители критического направления выступили на рубеже XIX—XX вв. с позиций крайнего идеализма, неокантианства, отвергали реальность исторических законов и возможность их познания. Но выше, на с. 49, представителем критического направления в русской историографии назван А. Л. Шлётцер (1735—1809; правильнее — Шлёцер, von Schlözer). На с. 68 значит, что одним из родоначальников критического направления в болгарской историографии был Сп. Палаузов (1818—1872), так как в период болгарского Возрождения «начинает распространяться критическое отношение ко всем источникам». Далее, на с. 69 речь идет об историко-критическом направлении в сербской историографии 70—80-х годов XIX в., которое Курбатов опять-таки связывает с большой работой по публикации и изданию источников (с. 123). На с. 129 Курбатов вновь возвращается к тому определению, которое было дано на с. 88—89 и утверждает, что в начале XX в. «византистика балканских стран, как и русская, в основном продолжала сохранять позитивистские позиции», вместе с тем, «тенденции критического направления в ней усилились». Очевидно, что автор смешивает два понятия: историко-критический метод, одним из создателей которого был Б. Г. Нибур (1776—1831), требовавший углубленного изучения источника и выдвигавший критики источника на первый план<sup>5</sup>, и более широкое критическое направление, возникшее в буржу-

<sup>3</sup> Angelov D. *La byzantinologie en Bulgarie et ses récentes acquisitions*. — «Byzantinobulgarica», I. Sofia, 1962, p. 4 (а не 3, как у Курбатова).

<sup>4</sup> Ангелов Д. *История на Византия*, ч. I. София, 1968, с. 18—19.

<sup>5</sup> См. подробнее: *Косминский Е. А.* Указ. соч., с. 318—321; на с. 314 Е. А. Косминский

азной историографии в конце 90-х годов XIX в. на основе субъективистских и релятивистских учений<sup>6</sup>. Введение понятия «критическое направление» в применении к историографии балканских стран 60—80-х годов XIX в. или к русской историографии XVIII в. не вполне правомерно.

К сожалению, в очень полезной в целом монографии Г. Л. Курбатова имеется значительное число неточностей и около 100 опечаток, преимущественно в наборе иностранного текста. Это затрудняет использование книги как справочного пособия. Отметим лишь те погрешности, которые имеют важное значение. Мы указываем страницу, неверное написание и исправление. С. 16: Фильельфо, правильное — Филельфо (Filelfo); с. 22, прим. 22: Byzantinische Beiträge вместо: Byzantinistische. . . ; с. 61: год рождения Дж. Финлея не 1789, а 1799; с. 97: неверны инициалы автора и выходные данные книги: Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, vol. 1—2. Leipzig, 1885—1886. На с. 106 автор писал, что «большая работа по изучению среднегреческого и новогреческого языка была проделана Г. Хатзидакисом, Г. Психарисом и др.», в результате чего был издан словарь Софоклиса «существенно расширивший возможности исследования византийских источников». Указывается издание словаря 1887 г. На деле же связь обратная: словарь Софоклиса вышел первым изданием в 1870 г., а упомянутая «История греческого языка» Хадзидакиса появилась в 1915 г. С. 118: год рождения П. А. Яковенко не 1879, а 1875. С. 142: даты жизни В. Н. Бенешевича не 1884—1941, а 1874—1943. С. 144: неверно указаны выходные данные книги Е. Ч. Скржинской — не Genève, а Genova. Следовало также указать, что книга вышла в «Atti della Società Ligure di Storia Patria», vol. 56. С. 146, прим. 35: значитесь: ВВ, 30, 1959, надо: ВВ, 30, 1969. С. 152: не Ишо Стилит, а Иешу Стилит. С. 156: Не Стив Рэнсимен, а Стивен Рэнсимен. С. 157: не Gollomp, а Collomp. С. 160: пропущены даты жизни А. Гейзенберга (1869—1930). С. 177: Дата гибели Н. Йорги не 1942, а 1940. С. 193: не ВВ, 27, 1961, а ВВ, 17, 1960. С. 198, прим. 21: выходные данные сборника «Античная древность и средние века», вып. 1—10 — не 1960—1971, а 1960—1973; Византийские очерки, вып. 1 — не 1969, а 1961. С. 232: неверно указаны выходные данные ряда книг: Janin R. Les églises. . . Paris, не 1970, а 1953; Grumel V. Les registes — не vol. I—IV, а vol. I, fasc. 1—4, не 1947—1971, а 1932—1971 (IV выпуск Перест издан В. Лораном). С. 234: Badinger F. Mehmed. . . München, не 1955, а 1953. С. 241: Bertelé T. Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440) — Buz., 24, 1951, надо: Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440). Testo a cura di U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956. С. 252: IV. 1934. . . В. D. Fivov, надо: В. Filov.

К числу недочетов можно отнести отсутствие в книге общего итогового заключения. Остается также пожалеть, что тесные рамки учебного пособия не позволили автору остановиться на возникновении и развитии византистики на Кипре, в Канаде, Испании, Иране, Японии и некоторых других странах.

Несмотря на отмеченные недостатки и пробелы, книга Г. Л. Курбатова создала фундамент для дальнейших исследований в области историографии истории Византии, она сыграет свою положительную роль в деле подготовки византистов в нашей стране. Книга впервые широко знакомит научную общественность со всей историей изучения экономики, политики и культуры одного из крупнейших государств средневековья. Было бы весьма желательным, чтобы подобного рода пособия были подготовлены также по источниковедению истории Византии, исторической географии, вспомогательным историческим дисциплинам. Отсутствие таких трудов на русском языке делает эту задачу весьма важной, притом не только для византиноведения, но и для средневековья в целом, для славяноведения, кавказоведения и изучения исторического прошлого России.

С. П. Карпов

А. П. Каждан. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975, 190 с.

Среди этнических меньшинств Византийской империи армяне, по крайней мере в отдельные периоды, составляли наиболее значительную группу. Известны истоки этого явления. Часть исторической Армении, находившаяся к западу от Евфрата, так называемая «Малая Армения», входила в состав Римской, а затем и Византийской империи. В результате раздела между Ираном и Византией (387 г.) последняя приобрела к своим владениям также часть «Великой Армении» (к востоку от Евфрата). Под византийским владычеством оказывались и другие части страны. В то же время большое число армян переселялось в пределы империи, пришельцы обосновывались в Малой Азии, Константинополе и в других европейских областях. Наконец, время от времени происходила явная или скрытая депортация армянского населения.

История византийских армян исследована неравномерно. Многие лица армянского происхождения оказывались на императорском престоле, становились знаменитыми

справедливо называет историко-критический метод «критической школой в источниковедении».

<sup>6</sup> См. Гутнова Е. В. Указ. соч., с. 344—378.